

Ксенжик Г.Н. *¹

¹ д.и.н., ассоциированный профессор
Казахского национального аграрного исследовательского университета,
Алматы, Республика Казахстан
E-mail: mig kz@ya.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ «ФРОНТИР» И КАЗАХСКОЕ ОБЩЕСТВО (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация

Статья подготовлена по результатам исследования 2024 г. и посвящена изменениям, происходящим в казахском обществе в XVIII – начало XX вв. под влиянием социокультурного «фронтiera». Автор вводит в научный оборот выявленные визуальные и письменные источники в архивах, музеях и библиотеках Казахстана. Социокультурный «фронтier» подразумевает пограничное подвижное пространство между двумя обществами, двумя культурами: традиционной казахской и имперской. Пространство фронтiera размытая зона, неустойчивая, где имперская власть еще недостаточно влиятельная. Исследование проводилось по следующим направлениям: изучения первых шагов продвижения Российской империи в казахские степи; Привлечение казахов на военную службу, в целях сокращения противостояния между казахским обществом и имперской властью; Реформирование систем управления в казахской степи; Внедрение русского образования в казахскую степь, как основополагающего фактора выстраиваемой государственной политики Российской империей, направленной на приобщение к имперскому образу жизни казахов и безотлагательному вхождению казахского общества в Российскую империю; Процесс креолизации и конфликтные ситуации. Длительное существование социокультурного фронтiera на территории Казахстана в исследуемый период объясняется тем, что проводились реформы и отсутствовал долговременный политический курс у Российской империи. Казахское общество под влиянием пространственного комплексного явления социокультурный «фронтier» вынуждено адаптироваться к новым условиям и образу жизни, введенному Российской империей.

Ключевые слова: фронтier, казахское общество, визуальные источники XVIII – начало XX вв.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта ИРН AP23485574 «Фронтier» как пространственное явление в истории Казахстана XVIII – начало XX вв. (по визуальным и письменным источникам). Статья выполнена при финансировании Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Г.Н. Ксенжик *¹

¹ т.ғ.д., Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің қауымдастырылған профессоры,
Алматы, Қазақстан Республикасы
E-mail: mig kz@ya.ru

ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ «ФРОНТИР» ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫ (XVIII-XX ғасырдың басы)

Аңдапта

Әлеуметтік-мәдени «фронтier» әсерінен XVIII – XX ғасыр басындағы қазақ қоғамында болған өзгерістерге арналған мақала 2024 жылғы зерттеу нәтижелері бойынша дайындалды.

Автор Қазақстанның мұрағаттарында, мұражайларында және кітапханаларында анықталған көрнекі және жазбаша дереккөздерді ғылыми айналымға енгізуде. Әлеуметтік-мәдени «фронтір» екі қоғам, екі мәдениет: дәстүрлі қазақи және империялық арасындағы шекаралық жьлжымалы кеңістікті білдіреді. Фронт кеңістігі бұлыңғыр аймақ, тұрақсыз, онда империялық билік әлі жеткілікті ықпалды емес. Зерттеу келесі бағыттар бойынша жүргізілді: Ресей империясын қазақ даласына ілгерілетудің алғашқы қадамдарын зерттеу; қазақ қоғамы мен империялық билік арасындағы текетіресті қысқарту мақсатында қазақтарды әскери қызметке тарту; қазақ дала-сындағы басқару жүйелерін реформалау; Ресей империясы құрған мемлекеттік саясаттың іргелі факторы ретінде қазақ даласына орыс білімін енгізу, а қазақ қоғамының империялық өмір салтына тарту арқылы қазақтардың Ресей империясын шұғыл кіруі; Креолизация процесі және жанжалды жағдайлар. Зерттеліп жатқан кезеңде Қазақстан аумағында әлеуметтік-мәдени майданның ұзақ уақыт болуы реформалардың жүргізілуімен және Ресей империясында ұзақ мерзімді саяси бағыттың болмауымен түсіндіріледі. Қазақ қоғамы кеңістіктік кешенді әлеуметтік-мәдени «фронтір» құбылыс әсерінен Ресей империясы енгізген жаңа жағдайлар мен өмір салтына бейімделуге мәжбүр болды.

Кілт сөздер: фронтір, қазақ қоғамы, XVIII-XX ғасырдың басындағы көрнекі дереккөздер.

Қаржыландыру: Мақала ИРН AP23485574 «Фронтір» XVIII-XX ғасырдың басындағы Қазақстан тарихындағы кеңістіктік құбылыс ретінде (көрнекі және жазбаша дереккөздер бойынша) ғылыми жоба аясында дайындалды. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және Жоғары білім Министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруымен жүзеге асырылды.

Ksenzhhik G.N. *¹

¹ Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the
Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, Republic of Kazakhstan
E-mail: mig [kz@ya.ru](mailto:mig_kz@ya.ru)

SOCIO-CULTURAL «FRONTIER» AND KAZAKH SOCIETY (XVIII – early XX centuries)

Abstract

The article was prepared based on the results of a 2024 study and is devoted to the changes taking place in Kazakh society in the XVIII – early XX centuries under the influence of the socio-cultural «frontier». *The author introduces into scientific circulation the visual and written sources found in the archives, museums and libraries of Kazakhstan. The socio-cultural «frontier» implies a borderline mobile space between two societies, two cultures: traditional Kazakh and imperial.* The frontier space is a blurred zone, unstable, where imperial power is not yet influential enough. The research was conducted in the following areas: studying the first steps of the Russian Empire's advancement into the Kazakh steppes; recruiting Kazakhs for military service in order to reduce the confrontation between Kazakh society and the imperial government; reforming governance systems in the Kazakh steppe; introducing Russian education into the Kazakh steppe as a fundamental factor in the state policy being built by the Russian Empire, aimed at introducing Kazakhs to the imperial way of life and the immediate entry of Kazakh society into the Russian Empire; the process of creolization and conflict situations. The long-term existence of the socio-cultural frontier on the territory of Kazakhstan during the period under study is explained by the fact that reforms were carried out and the Russian Empire had no long-term political course. Kazakh society, under the influence of the spatial complex phenomenon of the socio-cultural «frontier», was forced to adapt to the new conditions and way of life introduced by the Russian Empire.

Key words: frontier, Kazakh society, visual sources of the XVIII – early XX centuries.

Gratitude: *The article was prepared within the framework of the implementation of the scientific project IRN AP23485574 «Frontier» as a spatial phenomenon in the history of Kazakhstan in the XVIII - early XX centuries (according to visual and written sources). The article was completed with the*

Введение. Актуальность темы исследования определяется тем, что «социокультурный фронт» – это новый термин в отечественной историографии, относится к слабо освещенным и недостаточно изученным.

Цель исследования - представление исторической реконструкции влияния социокультурного «фронта» на изменение казахского общества XVIII – начало XX вв. на основе визуальных и письменных источников.

Социокультурный фронт - это пограничное пространство между двумя обществами, двумя культурами: традиционной казахской и имперской. Это изменение образа жизни, новые возможности для одних и потери для других. Важным компонентом утверждения имперской социокультурной политики становится создаваемое имперское социокультурное строительство на фронте, понимаемое как набор мероприятий, действий военного характера, реформ, создания новых социальных институтов, призванных убедить и показать колонизируемым территориям преимущества имперского социокультурного доминирования.

Исследование проводилось по следующим направлениям: изучения первых шагов продвижения Российской империи в казахские степи; Привлечение казахов на военную службу, в целях сокращения противостояния между казахским обществом и имперской властью; Реформирование систем управления в казахской степи; Внедрение русского образования в казахскую степь, как основополагающего фактора выстраиваемой государственной политики Российской империей, направленной на приобщение к имперскому образу жизни казахов и безотлагательному вхождению казахского общества в Российскую империю; Процесс креолизации и конфликтные ситуации.

Исследование позволяет ответить на вопрос: как повлиял социокультурный фронт XVIII – начало XX вв. на казахское общество? Что влияет на социокультурный фронт?

Методология и материалы.

Методология исследования заключается в выдвижении гипотезы: центральным содержанием социокультурного фронта выступила колонизация Казахстана.

Исследование основывается на междисциплинарном подходе и использовании визуальных и письменных источников, которые позволяют выполнить поставленную цель и выявить новые факты социальных и культурных изменений в комплексе.

Общенаучный метод историзма содействуют изучению динамики изменения социокультурных процессов. Метод объективности позволит избежать предвзятости и тенденциозности к исследуемой проблеме, в анализе и выводах автора. Метод системности разрешает рассмотреть все реформы, проводимые Российской империей в плановости. Используются специальные методы. Компаративный метод дает возможность провести анализ и оценку визуальных и письменных источников. Метод описания визуальных источников осуществляет интерпретацию исторических фактов. Все методы применяются комплексно.

Материалами исследования служат визуальные и письменные источники, выявленные в 2024 г. в архивах, музеях и библиотеках Казахстана: Северо - Казахстанский областной историко-краеведческий музей, г. Петропавловск; Костанайский областной историко-краеведческий музей; Костанайская универсальная научная библиотека им. Л.Н. Толстого; Государственный архив Костанайской области; Национальная библиотека Республики Казахстан, Национальная академическая библиотека Республики Казахстан.

Обсуждение.

В отечественной историографии проблемы социокультурного фронта и его влияния на казахское общество (XVIII – начало XX вв.) не изучен. Однако отдельные вопросы рассматривались в рамках изучения истории Российской колонизации Центральной Азии в исследованиях зарубежных и отечественных ученых. Исследователь по Центральной Азии А.Д. Фрэнк рассматривает становление и развитие мусульманских религиозных учреждений России на степном фронте в имперский период [1]. Специалист по истории России и теории

«фронт» А.Д. Рибер изучает многоаспектность концепта на основе сравнительно - исторического метода [2]. Я.В. Кэмпбелл исследует изменения фронтального общества. Отмечая, что российские чиновники управляли в основном цепью укреплений на севере, понимая, что есть области, в которые они не могут вмешиваться, не обладая определенными знаниями. Отмечает, что во фронтальном обществе происходит процесс креолизации [3]. Английский исследователь А.Моррисон освещает колониальные завоевания в казахской степи, изменения происходящие в пограничном пространстве [4]. В коллективной монографии европейских и российских ученых С.Горшениной, С.Абашина, Брюно Де Кордые и Т. Сабуровой представлены фотографии имперского управления, которые реконструируют проводимую колониальную политику Российской империей в Туркестане [5].

В российской науке с помощью инструмента «фронт» изучают социокультурное пространство, потенциал социокультурного фронта и его характеристики, региональную историю. Е.А. Гурова использует социологический фронт, как инструмент для изучения имперской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX века [6]. Историк из Красноярска Е.Л. Зберовская анализирует социокультурный фронт российской колонизации Сибири в XVI - XVII вв. и определяет основные характеристики взаимодействия [7]. Оренбургский историк Е.В. Годовова рассматривает формирование казака - воина в условиях фронтальной повседневности Автор отмечает, что постоянные переселения казаков с целью освоения новых земель способствовали распространению казахских обычаев и традиций на новые территории [8]. Историк по национальным вопросам в Российской империи Аманжолова Д. анализируется становление казахской интеллигенции лидеров партии «Алаш» с использованием социокультурного фронта [9].

Отечественные историки уделяют внимание изучению отдельных аспектов явления «фронт»: образованию укрепительных линий, правовым отношениям, административному управлению Российской империи и др. Г.С. Султангалиева рассматривает посреднические отношения между казахской степью и чиновниками Российской империи [10]. Проблемы повседневности казахского населения в конце XVIII - начале XX вв. пограничного пространства разрабатывает Н.Х. Джуманиязова [11]. Историк Г.Б. Избасарова изучает институт попечителей в Казахской степи в XIX в. [12]. В совместном исследовании австрийского ученого П. Сартори и казахстанского ученого Шаблей П. с использованием в методологии концепта «фронт», изучены возможности одновременного применения в условиях одного государства различных правовых систем имперского законодательства и традиционного права на примере казахских степей [13].

Достигнутые результаты зарубежных и отечественных исследователей позволяют отметить неизученность явления «социокультурный фронт» и его влияния на изменение казахского общества в XVIII - начале XX вв.

Результаты.

Социокультурный фронт следовал вслед за продвижением военного фронта с запада и северо - востока на юг Казахстана в Запечайский край. Под действием фронта трансформировалось социально-культурное пространство казахов в интересах Российской империи. В Северо - Казахстанском областном историко-краеведческом музее в Ф. 2828 были обнаружены документы о первых шагах расширения и продвижения имперского влияния в казахские степи, выявленные в Архиве внешней политики Российской империи) МИД РФ в Ф.122. Киргиз-кайсацкие дела:

- Патент императрицы Екатерины Второй об утверждении ханом Среднего жуза (Орды) султана Абылая от 24 мая 1778 г. «Поспешествующею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская...Объявляя чрез сие всем нашим подданным. К нашему императорскому престолу всеподданнейше представил начальствующий в Средней киргиз-кайсацкой орде Аблай-солтан....Напротив того, мы, великая государыня, наше и.в. надеемся, что он и впредь должную к нам, великой государыне, верность сохранит и во всем по указам наших поступать будет, как подданному нашему благопристойно есть и надлежит,

стараясь и подданной наш киргиз-кайсацкой Средней орды народ содержать в порядке и каждого правосудием довольствовать, сей же наш высочайшей указ мы великая государыня, наше и. в., государственною нашею печатью утвердить повелели. Дан в С. - Петербурге нашей столице 24 мая 1778 г. Подлинной патент запечатан среднею государственною печатью» [14].

- Следующим шагом имперской политики в целях привлечения влиятельного Аблай султана и ряда старшин на свою сторону являлось предписание канцлера М.И. Воронцова Сенату и Коллегии иностранных дел о направлении к Сибирскому и Оренбургскому губернаторам Указа «О заведении для Средней киргиз - кайсацкой орды Аблая (Абылая) салтана и некоторых старшин, чтоб их лучше привязать здешней стороны держать и приобучать к спокойнейшему житию строений не в дальности от здешних границ» от 21 марта 1762 г. [15].

- Во исполнение данного Указа выполняется план постройки и строится дом в «Киргиз - кайсацкой Средней орде» для Абылай султана. План выполнен в масштабе: 15 сажень в дюйме. На плане имеются обозначения: «1 Покои Аблай Салтана; 2 Канцелярия; 3 Баня; 4 Дом для приезжающих киргиз-кайсацких старшин».

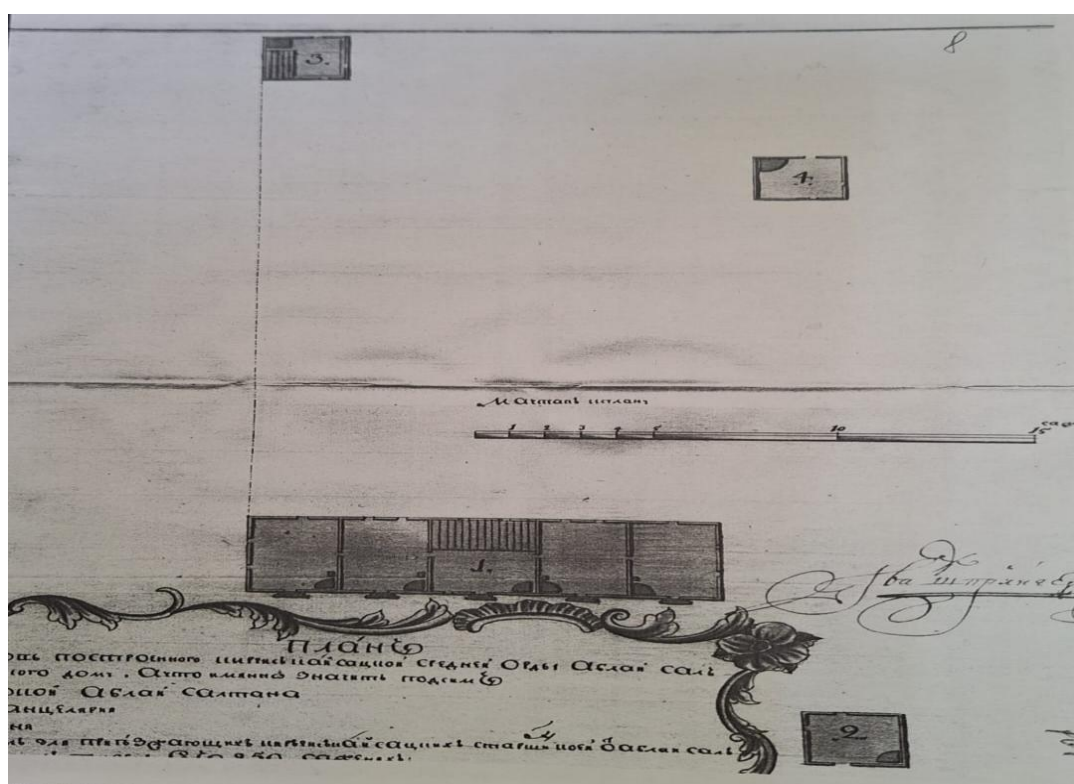

Рис. 1. План дома для Абылай султана, 1762. ч./б. [16].

В целях сокращения противостояния между казахским обществом и имперской властью отмечены немногочисленные факты привлечения казахов на военную службу, где они получали солидное годовое жалованье и обеспечивались пенсией. В музее хранится «Аттестат» от 1872 г. на увольнение сотника Нугурбека Туртубековича Коченова (55 лет, казах) в отставку. В связи с реорганизацией управления областей в Западной Сибири. Коченов Н.Т. имел награды: серебряную и золотую за службу. В аттестате отмечено, что к военным действиям не привлекался. По выходу в отставку назначено ему жалованье 300 руб. в год и квартирные 200 руб. в год. Аттестат датирован, подписан вице-губернатором и заверен сургучной печатью.

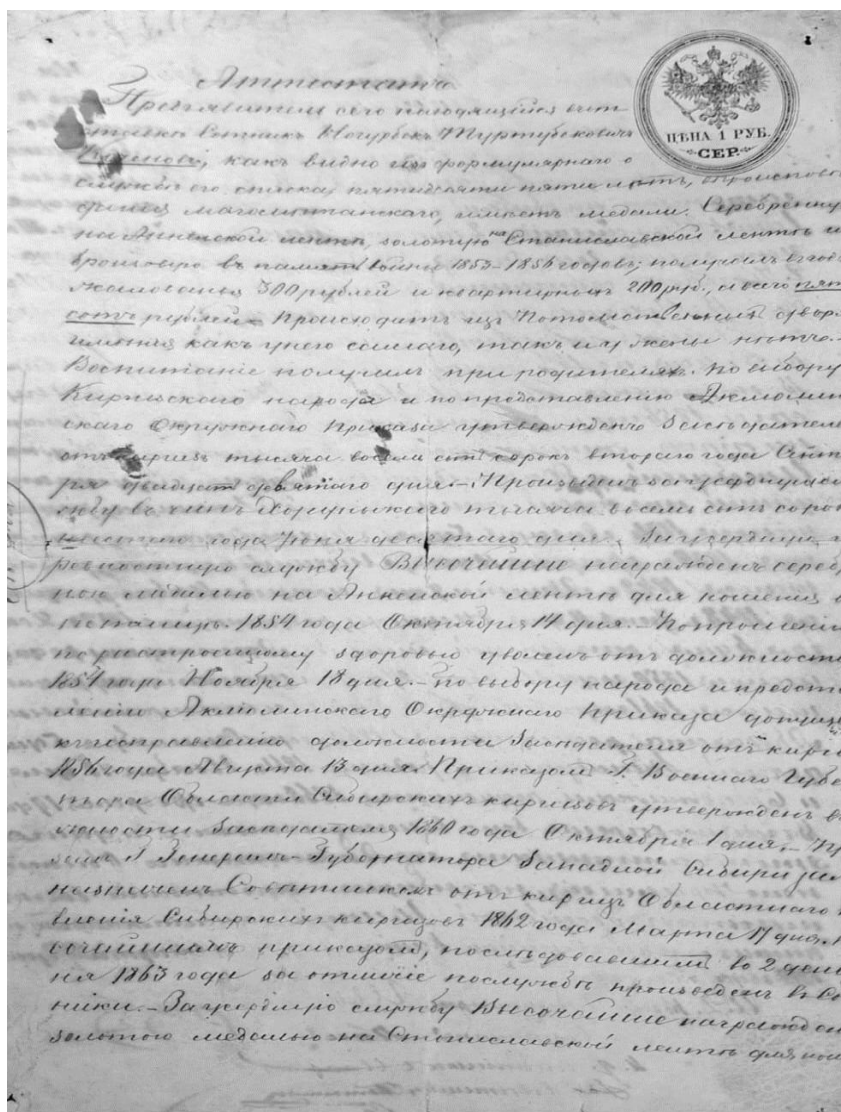

Рис. 2. Аттестат Н. Т. Коченова. – 1872 г. [17].

Важной характеристикой социокультурного фронта являлось поэтапное реформирование систем управления в казахской степи. Российская империя увязывала с реформами 1822-1824 гг. возможности и рычаги усиления русского влияния в казахской степи с дальнейшим утверждением новых социальных ценностей в казахском обществе по образцу и подобию существующих в Российской империи. В этих целях в первой половине XIX в. была проведена первая админи-стративно-территориальная реформа «Устав о сибирских киргизах» - 1822 г. Согласно которой, территория казахов Западносибирского ведомства делилась на несколько округов, носящих название внешних округов. Власть в казахской степи стала определяться генерал – губернатором Западной Сибири. Казахи одного округа не могли переходить в другой, без особого разрешения местного начальства. Территория делилась на округа, волости и аулы. Во главе округа находился приказ. В приказе, под председательством старшего султана, избираемого из среды своей одними султанами, находящимися в округе волостей, присутствовали: два русских заседателя, утверждаемых генерал-губернатором, и столько же заседателей из почетных казахов, называемых биями, по выбору, и утверждаемых пограничным начальником. Приказы имели свою канцелярию и переводчиков. Волостные управители выбирались самими казахами из находящихся в волости султанов или почетных биев. Старшины же для управления аулами выбирались от самих казахов. Старший султан избирался на три года, и пока пребывал на должности имел чин майора Российской службы. Тот из них, который прослужит три срока, имел право просить диплом на достоинство дворянина Российской империи. Волостные управители избирались на три года и имели

звание чиновника 12 класса. Старшины и бии, если не имели действительных чинов, считались наравне с сельскими головами [18, с. 11-14]. В 1822 г. оренбургским генерал-губернатором П.К. Эссеном был разработан проект «Устава об оренбургских киргизах». Проект был утвержден к исполнению 20.03.1824 г. Для продвижения «фронта» Российской империи в глубь земель казахов Оренбургского ведомства необходимо было выполнить внутреннее устройство. В связи с этим, к 1825 г. казахскую степь Оренбургского ведомства разделили на Западную, Среднюю и Восточную часть. Административные части Оренбургского ведомства, оказались неравномерными по площади и количеству населения. Территория области Оренбургских казахов размежевалась с учетом разделения родов и влияния султанов-правителей. Центрами созданных административных единиц стали форпост Затонный для Западной, станица Изобильная для Средней, станица Усть-Уйская для Восточной [19, с. 75-80].

Стремясь закрепить за собой казахские степи Российское правительство, продолжает административно-территориальное устройство казахов Оренбургского ведомства и образует не только линейные дистанции, расположенные вдоль укрепительной линии, но и под влиянием продвижения «фронта» - степные. Дистанции степные уступали линейным в численности хозяйств, но превосходили их по обширности кочевых участков. В конце 40-х годов XIX века в области Оренбургских казахов - в Западной части степи имелось - 8 дистанций, в Средней - 20 и в Восточной - 28. В начале 50-х годов XIX века предложено ставки правителей перенести в глубь степи [20, с. 685].

Разница в управлении и сбора налога в области Сибирских и Оренбургских казахов и прошедшая крестьянская реформа в России 1861 г. заставляла правительство Российской империи начать новое реформирование административного управления в казахской степи. Введенные «Временные положения» от 21.10.1868 г. оставались в силе до 1891 г. Данная реформа помогла установить контроль над степью и переустроить управление казахской степи по имперскому образцу. Земля казахов стала собственностью Российской империи. Казахское общество вынуждено было адаптироваться к новым условиям. Территория делилась на генерал - губернаторства, области, волости и аулы. Казахская элита осталась у власти только на низшей ступени на уровне волостей и аулов. Хань лишались своей власти. Проведенные административно-территориальные реформы укрепили имперскую власть в степи и продвигали социокультурный фронт в глубь территории в Зачуйский край. По «Положению об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 г. усиливались права уездных начальников. По статье 39: «Уездные начальники имеют право подвергать инородцев за ослушание законным распоряжениям властей и за проступки, означенные в примечании к сей статье, аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей». В третьей части положения, имелись пункты, направленные на уничтожение кочевого образа жизни казахов: «Ст. 59 Перечисление кибитководельцев из одного аульного общества в другое разрешается: в пределах одного уезда - местным Уездным начальником, а из одного уезда в другой - по соглашению подлежащих Уездных начальников. На такой переход должен последовать согласие аульных обществ, выраженное в увольнительном и приемном приговорах. Подати и повинности за перечисляемых остаются на ответственности увольняющего общества до новой податной переписи. От всех сих перечисленных уездный начальник доводит до сведения областного правления; Ст. 61. «Переходя на летовки или зимовки за пределы своих уездов, а также при прохождении чужих уездов и областей, кочевники подчиняются в полицейском отношении местным властям, по принадлежности, а казенные и земские сборы и повинности они отбывают в своих уездах. Должностные лица при перекочевках остаются при своих обязанностях. При откочевании из пределов уезда волостные управители или аульный старший получают от Уездного начальника свидетельство, в ком означает число откочевавших кибиток. Перейдя на летовки или зимовки за пределы своего уезда или области, а аульные или областные должностные лица обязаны являться к местному начальству и предьявлять свидетельство, выданное при их откачивании». В положение имелись пункты, направленные на создание новой казахской элиты, стоящей на низшей ступени имперской власти в степи:

«Ст. 64. В должности волостного управителя и аульного старшины может быть выбран каждый кибитковладелец волости или аульного общества, по принадлежности, не подвергавшийся по суду взысканиям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей, не находящийся под следствием и судом и имеющийся от роду не менее двадцати пяти лет»; Ст. 65. «Избрание волостного управителя производится на волостных съездах выборных, которые избираются аульными съездами, по одному на каждые 50 кибитковладельцев. Военный губернатор имеет право утвердить или не утвердить выборы» [21].

Волостной управитель являлся чиновником Российской империи и его жалованье назначалось от 350 рублей до 430 рублей в год в зависимости от величины волости.

Рис. 3. Выборы должностных лиц. Начало XX в. [22].

В проводимых в спешном порядке реформах в казахской степи имелись значительные недоработки и непродуманность. Многие статьи реформы вызывали споры и критику, а именно: статья о выборах на должности волостного управителя и казахского судьи, об оседлости казахов, о разграничении интересов земледельцев от скотоводов-кочевников, о нарезке переселенческих участков и т.п. Особенно критике подвергалась разработанная система выборов волостных управителей и судей. Офицеры, корреспонденты газет и ученые приводили доводы, что данная реформа ограничивает избирательное право казахского народа:

- Офицер, управленец Российской империи, прослуживший в Центральной Азии более 20 лет Г.А. Арандаренко считал, что разработанный избирательный процесс волостных управителей и биев неудачный и непонятен для казахов. Так как выборы, проходили с помощью избирательной урны в виде перегороденного надвое короба, накрываемого черным сукном, куда упускались черные и белые шары. Избирательный процесс проходил по подобию выборов в Государственную думу. Для казахского народа сложно было понять, почему право на баллотировку таким утомительным способом могут только 4-6 человек его волости в то время, когда претендентов на эту должность имеется полтора человека? Естественно, отсюда нередкое изумление народа, получившего сюрпризом для самих избирателей такого волостного или бия, которого они никогда не желали видеть на этой должности и открытым голосованием ни за что не избрали бы. Поэтому автор считал, что следует признать баллотировочные, посредством шаров, выборы неправильными уже потому, что они ограничивают избирательное право народа назначением пред баллотировкой претендентов на должности [23, с.1-33].

- Корреспондент газеты «Русский Туркестан» в 1905 г., отмечал преимущества и достоинства выборов прошлого и критиковал выборы волостных управителей и народных судей, проводимые по разработанным реформам, их несправедливость и подкупность. Он писал, что в 1867 г. при введении административного устройства в крае должности волостных управителей у кочевого казахского населения занимали правители, входящие в его род кочевников. Выборы такого лица являлись простой формальностью и протекали тихо и мирно, никого, не волнуя и не задевая за живое. Точно также и по отношению назначения народного бия. Звание, бия было почетное и на должность эту избирался обыкновенно знающий все народные обычаи (адат) высокой честности. Суд был справедливым, который решал всякие дела казахов, безапелляционно. Корреспондент отмечал, что представители нового поколения при общении с русской властью, незаметно для себя, стали усваивать новые порядки и взгляды на многое и постепенно теряли чистоту нравов свободных степей. Последствием чего в народе пошатнулось доверие к этим родовым представителям, да и самые веками установившиеся родовые устои, под влиянием нового веяния, стали изменяться. Теперь кандидатами выступает уже не правители, а лица, которые ошупав предварительно свой карман убеждаются, что содержимое хватит на покупку голосов выборных от народа пятидесятников, вообще податливых, но дешево себя не продающих, особенно если претендентов на и должность волостного управителя, выступает не два и не три, а более. Само собой тогда и цена голосов иная. Наконец наступает день выборов. Каждая партия кандидатов держится вдали друг от друга за несколько верст в назначенное место явится не прежде, чем проверит, начинает ли собираться другая парти. Обыкновенно первыми являются сторонники настоящего волостного, который по своей службе должен быть первым на месте. По закону должен присутствовать на выборах уездный начальник или лицо, заменяющее его. Корреспондент отмечал, что имелись случаи, когда пятидесятников стороны доставляли под конвоем, окруженных толпою вооруженных палками, а в другом месте привозили в закрытых арбах. Отмечал нововведение при выборах волостных управителей, посредством баллотированных ящиков с шарами, как это проводится в думских собраниях. Писал, что на первый раз такой порядок, казался будто бы и затруднительным для уяснения его, но затем оказалось, что они казахи прекрасно поняли, что и как нужно проделывать и никто из пятидесятников ни разу не ошибся, кладя шар за своего кандидата. После подсчета шаров объявлялся выигравший - волостной управитель. Далее проходили выборы народных судей. Здесь наблюдалась такая же процедура, причем большинство на выборах оказывалось сторонниками кандидата на должность, волостного управителя, который в казахском народном быту много значил для них. После выборов вся толпа пятидесятников и посторонняя публика отправлялась, по приглашению избранных на угощение [24].

- А.И. Добросмыслов одобрял прежние традиционные формы казахского народного суда, как наиболее приспособленными к местным условиям и продиктованными особенностями кочевой жизни: «Своеобразные формы киргизского народного суда, кажущиеся на первый взгляд крайне нелепыми и несколько не обеспечивающими интересов правосудия, при ближайшем анализе, оказываются наиболее приспособленными к местным условиям, так как замена их более совершенными, но за то и более сложными формами, повела бы к фактическому уничтожению суда» [25, с.481].

Важной характеристикой социокультурного «фронта» являлся система русского образования в казахской степи, которая выступала проводником выстраиваемой государственной политики Российской империи, направленной на приобщение к имперскому образу жизни казахов и безотлагательному вхождению казахского общества в Российскую империю. Процесс мировоззренческого перевоспитания казахских детей начинался с русско-казахских школ. Где изучался русский язык и прививались ценности и имперское мировоззрение. Империя была заинтересована в открытии большого количества школ, где воспитывались казахские дети, которые знали казахские традиции, свой язык и русский, а впоследствии становились посредниками между Российской империей и казахской степью, носителями русского языка и мировоззрения.

Развивалось специализированное образование: сельскохозяйственные школы, фельдшерские, педагогические. Начало развиваться женское образование. Получило развитие и мусульманское образование, в целях продвижения имперской политики в среду мусульман. Совокупность всех мероприятий по развитию просветительской деятельности в казахской степи дала результаты в конце XIX – начале XX вв., когда появилась казахская интеллигенция. Тем не менее, ожидания имперской власти не были реализованы, у казахской интеллигенции сформировался свой взгляд на происходящие события, которые оформились в протестные настроения против власти и колониальной политики Российской империи.

В периодической печати того времени корреспондентами писалось о желании казахов получить специальное образование - медицинское, педагогическое:

- Отмечалось особое стремление казахов поступить в фельдшерские школы. Постепенно увеличивается потребность образования среди казахов, и она стала принимать в последнее время специальный оттенок. Так на имя военного губернатора поступают прошения казахов об определении их детей, окончивших курс в местных двухклассных школах в фельдшерские школы на казенный счет. Это стремление в фельдшерские школы объясняется учреждением в степи фельдшерских участков, в которых положение фельдшера материально обставлено довольно хорошо, писалось в Тургайской иллюстрированной газете от 14 января 1896 г. [26].

- Образован педагогический класс в Кустанае. Министерство финансов уважило ходатайство Тургайского областного начальства об открытии в г. Кустанае педагогического класса для подготовки учителей в казахские школы и вошло с представлением в Государственный Совет об ассигновании на областных земских сумм по 3000 руб. ежегодно, начиная с 1896 г. [27].

Рис. 4. Карта Тургайской области с показанием школ. - Россия, конец XIX. - 1 л. цв. Масштаб: 75 верст в английском дюйме [28].

На карте отмечены реки, озера, границы уездов, названия волостей и населенные пункты. Условными цветными знаками дается обозначение школ, рядом указываются даты их образования: «двухклассная русско-киргизская сельское училище, двухклассное городское

училище, женское одноклассное училище, женская русско-киргизская прогимназия, одно классные училища, вечерние классы для взрослых аульные школы, русские школы с курсом аульных школ, церковно-приходские школы». Уездный город Тургай, находился на правом берегу р. Тургай и был основан в 1845 году, как Оренбургское укрепление. По данным обзора Тургайской области в 1911 г. жителей в г. Тургае насчитывалось -1396 человек. В городе находились: «городское училище, Яковлевское ремесленное училище, 2 - х классное русско-киргизское училище» [29, с.10-11].

В начале XX в. стали появляться критические заметки по поводу плохого образования, получаемого в русско-казахских школах. Русско-казахские школы критиковались современниками за убожество программы начальной школы. Корреспондент газеты «Туркестанский голос» в 1916 г. писал, что местная администрация стремится в деле школьного просвещения отгородить казаха от русского населения. Необходимо учитывать, что казахи сейчас выросли культурно и им уже тесны рамки русско-казахских школ. Нельзя отнять от казахов понимание плохого образования, получаемого в начальной русско-казахской школе. Казахская интеллигенция вполне осознала, какие требования налагают на их детей условия современной жизни и неудовлетворенные настоящей русско - казахской школой, стали искать другие пути в образовании своего детей. Следствием этого появляются новометодные мактабы, казахи стали стучаться в двери высших начальных школ, гимназий. Но вследствие их невысокого уровня и за неприятием русских школ, казахи вынуждены отправить своих детей в Россию в татарские школы. Казахская интеллигенция изыскивает способы заменить русскую школу, чем - либо своим. Казахи, не найдя поддержки в своих культурных стремлений, невольно потянутся за образованием к татарам, турками, что уже сейчас наблюдается в новометодные мактабы. Таким образом, в результате может получиться, что казахское общество выйдет из сферы имперского влияния и тогда уже не помогут наши русско-казахские школы [30].

На социокультурном фронтире наблюдался процесс креолизации - поглощение ценностей другой культуры. К примеру, большая часть казаков, которые проживали выше Бухтарминской крепости, имели работников из казахов, которые, по бедности, набрав зимой муки в долг, выплачивали летними работами. Около всякой станицы всегда можно было видеть несколько юрт, которые, несмотря на переносное свое жилище, вели жизнь самую оседлую, оставаясь на места 10, а иногда и более лет. Казахов называли «джетаками». Некоторые казахские женщины служили работницами у казаков и нянчили их детей. От этого часто случалось слышать между детьми более казахский язык, чем русский [18, с. 24-25].

Казаки и переселенцы приобретали на социокультурном фронтире практической лингвистический опыт, наблюдался процесс языкового заимствования. Краевед и историк - украиновед Д.И. Эварницкий, современник исследуемого периода, обращает внимание русских ученых на влияние Востока на древнюю Русь и необходимости направить молодых ученых, посвятивших себя изучению русской истории и лингвистики, прежде всего в Центральную Азию и только потом в Западную Европу. Сколько слов услышит здесь русский человек, привыкший с детства считать их чисто русскими, но в действительности оказывающимися занесенными на Русь из Центральной Азии. Вот для примера первые попавшие слова: алмаз, амбар, атлас, арба, аркан, базар, байдак (бобыль), балык, башка (баш-голова), беркут (буркут - порода орла), бирюза, бронза (бриндж), богатырь (батырь), буран, бурдюк, бурьян, (бургань-польнь), гармань (хырмань-каменная катка), гитара (дутарь), джура или чура (джура-друг), домбры (добра), изумруд (зумуррад), изюм (узюмь), казна (хазна), казань, камзол (камзурь - калоши, капкань (кабкань - ловушка), каунь (дыня), камыш, караван, карий (кара-черный), караул, кизяк (тизяк), кисет, (киса - мешечек), кишло (кишлак), лелека (ляйлек - аист), пилав (палау), очаг (учак), пулы (пул-деньги), ракия (арак -водка) сапеть (савать-корзина), серьга (исега) сурьма, сундук, тамга, торба (торба-сумка), тесьма (тэсма), тирлик (потник) туман (тютень -дым), тюфяк (тюшак), хомут (хамут), цифра (сифра), чугуун (чуянь), шатер (чадырь), яралаш (аралаш-путаница), штаны (иштань), ярь (овраг) [31, 132-134].

В свою очередь язык казахов пополняется массой русских слов и названий, как например: самовар, дуга, хозяин [32, с.44-45].

По причине некачественно проведенных межевых работ, земельного дефицита, связанного с отводом под переселенческие поселки, которые возникали массово и повсеместно, проходили прямые столкновения и драки между казахами и переселенцами. Например, на почве неправильно выполненных межевых работ землемерами, проведенных в разное время у поселка Александровского и Жуковского Кустанайского уезда, произошла между казахами и русскими поселенцами серьезная драка. Это видно из дела Кустанайского уездного управления от 26 июня 1887 г. Разбирая ее причины, уездный начальник приказал, Аракарагайскому волостному управителю явиться в поселки Александровский и Жуковский, проверить условия на сдачу земли и пропахать в натуре границы владений, как этих поселков, так и отдельных арендаторов, живущих вне поселка. Однако убеждения и хлопоты волостного управителя, продолжавшие 8 дней, ни к чему не привели: крестьяне требовали отвода земли полосой в 15-20 верст длиной, из общих для всей волости летовок, а аульный сход, ссылаясь на закон отрицал законность выдвинутых условий [33, с.4].

Стали также все чаще возникать поземельные споры между казахами, нередко совершенно не основательные, но благодаря пренебрежительному отношению имперского начальства к ним и необдуманному распоряжению. Споры разгорались ещё с большей силой и продолжали существовать на протяжении длительного периода времени. Последствия этих споров были ужасны, они разоряли казахский народ, он терпел громадные убытки, платя, суммы на ведение дела, давал большие проценты ростовщикам, а также создавались враждебные отношения, которые отражаются на повседневной жизни, выборах, народных судах, и единодушии общества, а также служили причиной драк, насилий, не доходящих до начальства, убийств, поджогов, приводящих друг друга на скамью подсудимых. К примеру, из-за участка Кара-гуй-суйган, который находился против 1-й почтовой станции от Казалинска в Ташкент и располагался на левом берегу Сыр-Дарьи. В конце 60-х годов XIX в. возникли споры между казахом из рода Чумекей во главе с влиятельным бием Джарылгапа Манасовым и правнуками Курмана во главе с бием Байнена Бекмурзына. После долгих хлопот, стоивших ни одну тысячу рублей Курмановым по распоряжению командующего правой Сырдарьинской линии генерал - майором Веревкиным в 1864 г. Кара-гуй-суйган был утвержден за мужским поколением Курмана в числе 70 юртовладельцев, но прошли годы и вновь разгорелся тот же конфликт из за этого участка [34].

Сдерживающим моментом переселения в Туркестанский край являлось ст. 270 Туркестанского положения. Согласно, которой земли, занятые кочевым населением, были отданы ему в бессрочное пользование. При этом не было оговорено право Российской империи пользоваться свободными излишками земель для переселения и других Государственных надобностей, как это было установлено в Степном Положении. Вследствие этого с 1886 г., когда было издано Туркестанское положение и до 19 декабря 1910 г. когда оно было дополнено примечанием к статье 270, что позволило начать массовый переселенческий процесс в Туркестанский край. Уже в 1911 г. был произведена нарезка переселенческих участков. Только за один год в Чимкентском и Аулиеатинском уездах приготовлено 88 мелких переселенческих участков» [35, с.71].

Протестная база чаще локализовалась в степи, которая была наименее подвержена влиянию фронта. Наиболее массовый протест против проводимой имперской политики произошел в результате восстания 1916 г. Толчком послужил приказ правительственного сената Российской империи от 6 июля 1916. № 182. Отдел 1. Ст. 1526 «О привлечении мужского «инородческого» (казахского) населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для военных иных, необходимых для государственной обороны работ...., - привлечь в течении настоящей войны нижепоименованное мужское инородческое население Империи. В возрасте от 19 до 43 лет включительно» [36].

Реакцией на данный приказ являлись массовые протесты казахов по всей степи, в том числе и в Петропавловском уезде. Это видно из телеграммы Степному генерал - губернатору: «Разгромили Петропавловскую волостную канцелярию, арестовали управителя, отобрали, знак, печать и деньги. Положение в крае признаю серьезным. Обширность областей огромные расстояния недостаток конных частей сильно затрудняет борьбу возникшим среди киргиз волнением. Возможны меры подавления беспорядков и охраны русского населения приняты. Мною отдан приказ всем атаманам отделов посылать из станиц помощь гражданским властям льготных казаков. Управляющей областью губернатор выехал в Акмолинск. Подпись Ген. (неразборчиво). 18.07.1916 г.».

ПЛАТА				ПЕРЕДАНА	
на перевод	руб.	к.		то	ч. и. посыл.
статья			635	в	прое. №
итого			№	Передал	
Годовая	Число слов		ПОДАНА		Служебная отметка:
и.	и.	и.	то	ч.	и. посыл.
сд.					

разгромили Петропавловскую волостную канцелярию арестовали управителя отобравъ знакъ печать деньги. Точка. Положение край признаю серьезнымъ. Точка. Обширность областей огромныя расстоянія недостаткъ конныхъ частей сильно затрудняютъ борьбу возникшимъ среди киргизъ волнениемъ. Точка. Возможны мѣры подавленія беспорядковъ и охраны русскаго населенія приняты. Точка. Мною отданъ приказъ всеѣмъ атаманамъ отдѣловъ посылать изъ станицъ помощь гражданскимъ властямъ льготныхъ казаковъ. Точка. ^{Управляющей областью} Губернаторъ выѣхалъ Акмолинскъ.

Генгр *Сурискин*

Отправ. 18/июль 1916г.

Рис. 5. Телеграмма Степному генерал - губернатору. 18 июля 1916 [37].

Заключение.

Изменения в казахском обществе в XVIII – начало XX вв. связаны с колониальными завоеваниями, интеграцией в Российскую империю и утверждением социальных и культурных имперских ценностей в среде казахов.

Под социокультурном «фронтиром» подразумевается территория, где слаба государственная власть и имеет место смешение различных этнических культур, социальных институтов. Основной характерной чертой социокультурного «фронтира» в исследуемый период являлось насаждение имперского образца жизни. Происходит утверждение новых социальных институтов власти в казахской степи, проникновение культуры и права в казахское общество по подобию таких, какие существовали в Российской империи. Пространство «фронтира» размытая зона, многовариантна и неустойчива. Социокультурный «фронт» зависел от проводимых реформ, географии, плотности населения, строительства новых поселений и близости железных дорог. В пространстве фронтира, происходило взаимодействие многообразных социокультурных смыслов, наблюдался процесс взаимообмена, взаимовлияния жизненных установок, языка, традиций с одной стороны казаков и переселенцев, носителей имперских ценностей и с другой казахского населения. Происходил процесс креолизации - поглощение ценностей другой культуры. Казахское общество под влиянием пространственного многогранного явления социокультурный «фронт» вынуждено адаптироваться к новым условиям и новым порядкам Российской империи. Возникают протесты против принимаемых приказов и реформ

правительства. Длительное существование социокультурного «фронттира» в течении XVIII – начало XX вв. произошло по причине, что отсутствовал взвешенный и долговременный политический курс проводимых имперских реформ. Представленную историческую визуальную реконструкцию изменения казахского общества XVIII – начало XX вв. можно будет использовать, как наглядное пособие при изучении периода нового времени Казахстана и решения ряда междисциплинарных задач и научных вопросов.

Список использованной литературы:

1. Frank A. J. *Muslim religious institutions in Imperial Russia: the islamic Worlf of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910.* – Leiden: Brill, 2001. - 341 p.
2. Rieber A. *Changing Concepts and Constructions of Frontiers: A Comparative Historical Approach // Ab Imperio.* - 2003. - № 1. - PP. 23–46.
3. Campbell I. W. *Knowledge and the Ends of Empire; Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917.* - Ithaca: Cornell Univ. Press London, 2017. - 273 p.
4. Morrison A. *Russian conquest of Central Asia. A study in Imperial Expansion 1814 - 1914.* - Gambridge: University press, 2021 - 641 p.
5. Gorshenina S., Abashin S., Cordier B. и др. *Photographing Central Asia from the Periphery of the Russian Empire to Global Presence.* - Berlin: De Gruyter, 2022. - 431 p.
6. Гурова Е. А. Об особенностях некоторых социальноэкономических инструментов имперской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. – 2021. – №. 1. – С. 36-42.
7. Зберовская Е.Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронттир // Вестник Крас ГАУт. История. - 2013. - №12. - С. 280-285.
8. Годовова Е. В. Формирование казака-воина в условиях фронттирной повседневности // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – № 10. – С.15-15. – <https://history.jes.su/s207987840002327-8-1>.
9. Аманжолова, Д. Сибирский фронттир и становление казахской интеллигенции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. - 2023. - № 2 – С. 11-17.
10. Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Acta Slavica Iaponica. - 2009. - №. 27. - С. 77–101.
11. Джуманиязова Н.Х. Повседневная жизнь казахского населения в конце XVIII- начале XX вв. (на материалах Оренбургской губернии) / Сборник материалов международной научно-практической конференции «Республика Казахстан и Евразийское пространство: современность и перспективы развития», посвященной 25-летию Независимости Республики Казахстан. Ч.2. - Астана, 2016. - С. 89-92.
12. Избасарова Г. Б. Институт попечителей в Казахской степи XIX в.: правовое положение и должностные инструкции // Былые годы. - 2017. - № 4. - С. 1366–1375.
13. Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. - Москва: Новое литературное обозрение, 2019. - 280 с.
14. Северо - Казахстанский областной историко-краеведческий музей, г. Петропавловск (СКОМ). Ф. 2828. Д.1. Выкопировка из Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ). Ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 3. Д.1. Л.90.
15. СКОМ. Ф. 2828. Д.2 Выкопировка из АВПРИ. Ф.122. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 1. Д. 2. Л.1-1 об.
16. СКОМ. Ф. 2828. Д.3. Выкопировка из АВПРИ. Ф.122. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 2/6. 1. Д. 7164. Л. Л. 766 об. - 767.
17. СКОМ. Ф. 44. Д.1.
18. Влангали А.Г. Геоностическая поездка в восточную часть киргизской степи в 1849 и 1851 годах. Горный журнал. - СПб.: Типография Глазунова, 1853. – 64 с.
19. Ксенжик Г.Н. Историческая география Степных областей Казахстана в XIX – начале XX вв. - Алматы, 2015. - 331 с.

- 20 Семёнов Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь российской империи. Том II. – СПб.: Издательство: Тип. В. Безобразова и Комп., 1865. - 898 с.
- 21 Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. – СПб.: Изд. Кодификационного отдела при государственном совете, 1892. – 16 с.
- 22 Костанайский областной историко-краеведческий музей (КОИКМ). НФ. Ф. 23007 отд. XX.
- 23 Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. - СПб. Типография М.М. Стасюлевича, 1889. – 666 с.
- 24 Русский Туркестан. - Ташкент. - 12 марта 1905. - №55.
- 25 Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Том I. – Тверь: Типо-Литография Н.М. Родионова, 1902. - 524 с.
- 26 Тургайская иллюстрированная газета. -Оренбург, 14 января 1896. - №3,
- 27 Тургайская иллюстрированная газета. - Оренбург, 23 июня 1896. - №26.
- 28 КОИКМ. НФ. Ф23007. отд. XX.
- 29 Обзор Тургайской области за 1911 год. - Оренбург: Типография Тип. Б. Бреслина, 1912. - 40с.
- 30 Туркестанский голос. – Андижан. - 12 ноября 1916г.- № 103.
- 31 Эварницкий Д.И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологических и исторических отношениях. - Ташкент: Типо - литография наследников С. И. Лахтина, 1893. – 199 с.
- 32 Щербина Ф.С. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. - СПб., 1905. – 48 с.
- 33 Кауфман А. А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. Ч. 2: - СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1897. - 140 с.
- 34 Русский Туркестан. – Ташкент. - 19 января 1905.- № 14.
- 35 Конопка С.Р. Туркестанский край. Сельско - хозяйственный торгово-промышленный адрес-справочник и календарь. - Ташкент: Электротпечатня при канцелярия Туркестанского генерал. губернаторства, 1913. – 474 с.
- 36 СКМ. Ф. 1519. Д. 1632.
- 37 СКМ. Ф. 1519. Д. 1633.

References:

1. Frank A. J. Muslim religious institutions in Imperial Russia: the islamic Worlf of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910. – Leiden: Brill, 2001. - 341 p.
2. Rieber A. Changing Concepts and Constructions of Frontiers: A Comparative Historical Approach // *Ab Imperio*. - 2003. - № 1. - PP. 23–46.
3. Campbell I. W. Knowledge and the Ends of Empire; Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917. - Ithaca: Cornell Univ. Press London, 2017. - 273 p.
4. Morrison A. Russian conquest of Central Asia. A study in Imperial Expansion 1814 - 1914. - Gambridge: University press, 2021 - 641 p.
5. Gorshenina S., Abashin S., Cordier B. u др. Photographing Central Asia from the Periphery of the Russian Empire to Global Presence. - Berlin: De Gruyter, 2022. - 431 p.
6. Gurova E. A. Ob osobennostjeh nekotoryh social'nojekonomicheskikh instrumentov imperskoj politiki na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX veka // *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. Nauchno-teoreticheskij zhurnal*. – 2021. – №. 1. – p. 36-42.
7. Zberovskaja E.L Sociokul'turnye aspekty osvoenija Sibiri v kontekste teorii frontir // *Vestnik Kras GAUt. Istorija*. - 2013. - №12. - p. 280-285.
8. Godovova E. V. Formirovanie kazaka-voina v uslovijah frontirnoj povsednevnosti // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*. – 2018. – № 10. – p. 15-15. –<https://history.jes.su/s207987840002327-8-1>.
9. Amanzholova, D. Sibirskij frontir i stanovlenie kazahskoj intelligencii // *Social'naja integracija i razvitie jetnokul'tur v evrazijskom prostranstve*. - 2023. - № 2/ – p. 11-17.

- 10 Sultangaliev G.S. *Kazahskoe chinovnichestvo Orenburgskogo vedomstva: formirovanie i napravlenie dejatel'nosti (HIX) // Acta Slavica Iaponica.* - 2009. - № 27. - p. 77–101.
- 11 Dzhumanijazova N.H. *Povsednevnaia zhizn' kazahskogo naselenija v konce XVIII- nachale XX vv. (na materialah Orenburgskoj gubernii) / Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Respublika Kazahstan i Evrazijskoe prostranstvo: sovremennost' i perspektivy razvitija», posvjashhennoj 25-letiju Nezavisimosti Respubliki Kazahstan. Ch.2.* - Astana, 2016. - p. 89-92.
- 12 Izbasarova G. B. *Institut popechitelej v Kazahskoj stepi XIX v.: pravovoe polozhenie i dolzhnostnye instrukcii // Bylye gody.* - 2017. - № 4. - p. 1366–1375.
- 13 Sartori P., Shablej P. *Jeksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znanij v Kazahskoj stepi.* - Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. - 280 p.
- 14 Severo - *Kazahstanskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej, g. Petropavlovsk (SKOM). F.2828. D.1. Vykopirovka iz Arhiva vneshnej politiki Rossijskoj imperii MID RF (AVPRI). F. 122. Kirgiz-kajsackie dela. Op. 3. D.1. L.90.*
- 15 SKOM. F. 2828. D.2 Vykopirovka iz AVPRI. F.122. Kirgiz-kajsackie dela. Op. 1. D. 2. L.1-1 ob.
- 16 SKOM. F. 2828. D.3. Vykopirovka iz AVPRI. F.122. Kirgiz-kajsackie dela. Op. 2/6. 1. D. 7164. L. L. 766 ob. - 767.
- 17 SKOM. F. 44. D.1.
- 18 Vlangali A.G. *Geognosticheskaja poezdka v vostochnuju chast' kirgizskoj stepi v 1849 i 1851 godah. Gornyj zhurnal.* - SPb.: Tipografija Glazunova, 1853. – 64 p.
- 19 Ksenzhhik G.N. *Istoricheskaja geografija Stepnyh oblastej Kazahstana v XIX – nachale XX vv.* - Almaty, 2015. - 331 p.
- 20 Semjonov Tjan-Shanskij P.P. *Geograficheskostatisticheskij slovar' rossijskoj imperii. Tom II.* – SPb.: Izdatel'stvo: Tip. V. Bezobrazova i Komp., 1865. - 898 p.
- 21 *Polozhenie ob upravlenii oblastej Akmolinskoj, Semipalatinskoj, Semirechenskoj, Ural'skoj i Turgajskoj.* – SPb.: Izd. Kodifikacionnogo otdela pri gosudarstvennom sovete, 1892. – 16 p.
- 22 *Kostanajskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej (KOIKM). NF. F. 23007 otd. XX.*
- 23 Arandarenko G.A. *Dosugi v Turkestane. 1874-1889.* - SPb. Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1889. – 666 p.
- 24 *Russkij Turkestan. - Tashkent. - 12 marta 1905. - № 55.*
25. Dobrosmyslov A.I. *Turgajskaja oblast'. Istoricheskij ocherk. Tom 1.* – Tver': Tipo-Litografija N.M. Rodionova, 1902. - 524 p.
- 26 *Turgajskaja illjustrirovannaja gazeta. -Orenburg, 14 janvarja 1896. - № 3,*
- 27 *Turgajskaja illjustrirovannaja gazeta. - Orenburg, 23 ijunja 1896. - № 26.*
- 28 KOIKM. NF. F23007. otd. XX.
- 29 *Obzor Turgajskoj oblasti za 1911 god. - Orenburg: Tipografija Tip. B. Breslina, 1912. - 40 p.*
- 30 *Turkestanskij golos. – Andizhan. - 12 nojabrja 1916g.- № 103.*
- 31 Jevarnickij D.I. *Putevoditel' po Srednej Azii ot Baku do Tashkenta v arheologicheskij i istoricheskij otnoshenijah.* - Tashkent: Tipo-litografija naslednikov S. I. Lahtina, 1893. – 199 p..
- 32 Shherbina F.S. *Kirgizskaja narodnost' v mestah krest'janskijh pereselenij.* - SPb., 1905. – 48 p.
- 33 Kaufman A. A. *Pereselency-arendatory Turgajskoj oblasti. Ch. 2: - SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K°, 1897. - 140 p.*
- 34 *Russkij Turkestan. – Tashkent. - 19 janvarja 1905.- № 14.*
- 35 Konopka S.R. *Turkestanskij kraj. Sel'sko-hozjajstvennyj torgovo-promyshlennyj adres-spravochnik i kalendar'.* - Tashkent: Jelektropechatnja pri kanceljarija Turkestanskogo general-gubernatorstva, 1913. – 474 p.
- 36 SKOM. F. 1519. D. 1632.
- 37 SKOM. F. 1519. D. 1633.